

УДК 801.81; 81:39

ЕЩЕ РАЗ ОБ ОБЛИКЕ БЕСОВСКОМ. СТАТЬЯ 1 (на материале мифологических рассказов Пермского края)¹

Ирина Ивановна Русинова

доцент кафедры общего и славянского языкознания

Пермский государственный университет

614990, Пермь, ул.Букирева, 15. irusinova@mail.ru

В статье рассмотрены представленные в текстах мифологических рассказов Пермского края облик и номинации духов, вселяющихся в человека. Наиболее частотные названия «вселяющихся» духов – черти, бесы. Бесы могут принимать антропоморфный, зооморфный облик, вид предметов, не имеющих высокой хозяйственной ценности. Инвариантные признаки духов хорошо представлены в пермских материалах. Акцент в статье делается на тех признаках, которые слабо освещены в литературе и которые характеризуют пермский материал как специфический.

Ключевые слова: народная демонология; духи, вселяющиеся в человека; зооморфный облик бесов; демонологическая лексика Пермского края.

Существует обширная литература, посвященная изучению народной демонологии славян. Это статьи, монографии, словари [см.: Черепанова 1983; 2005: 83-156; Толстой 1995: 245-286; Новичкова 1995; Виноградова 2000; Левкиевская 2005; Славянские древности 1995-2009 и др.]. Однако каждое следующее исследование, масштабное или не очень, выполненное с учетом фактов различных славянских языков или на локальном материале, вносит свой вклад в общую картину славянских мифологических воззрений.

В настоящей статье речь пойдет об облике и названиях только одной разновидности славянских мифологических персонажей – пермском региональном варианте духов, вселяющихся в человека. В качестве материала в статье использованы данные электронной картотеки «Словаря мифологической и магической лексики Пермского края», составленного И.И.Русиновой, О.И.Васневой, А.В.Черных, К.Э.Шумовым на основе полевых материалов авторов и опубликованных источников по этнографии и фольклору Пермского региона.

В «Русском демонологическом словаре» Т.А.Новичковой нет специальной статьи, посвященной этому персонажу низшей мифологии. Его описание подается в статьях «бес», «черт», в которых нерасчлененно обозначены черты персонажа зла высшего ранга христианской традиции, черты нечистой злой силы (духов пространств), черты духов, выступающих в качестве

помощников колдуна и вселяемых им в человека [Новичкова 1995:45-57; 577-614].

Однако другие исследователи отмечают разницу этих персонажей: «Поверья о вселении злого духа в человека представляют особый интерес для изучения такой категории мифических существ, которые не могут быть охарактеризованы как тип персонажей, имеющих четко закрепленный за ними круг индивидуальных признаков. Это скорее некое множество слабо персонифицированных мелких духов неясного облика и происхождения с единственной достаточно выразительной функцией проникать во внутренности человека, вызывая тем самым разного рода недуги. И хотя по признаку номинации они соотносятся с чертом, бесом, все же явственно обнаруживается ряд особенностей, позволяющих рассматривать группу «вселяющихся» духов как особую категорию нечистой силы» [Виноградова 2000: 290-291].

Этой же точки зрения придерживается и О.А.Черепанова, показавшая в своих работах, основанных на анализе древних русских письменных памятников и текстов севернорусских быличек, что «в древних текстах бесы выполняют *две* (выделено нами. – *И.Р.*) основные мифологические функции – беса-мучителя, вселяющегося в человека в виде разного рода болезней и недугов, и беса-искусителя, вводящего слабого духом человека во грех. Первая функция является дохристианской и отражает отмеченные в широком межэтническом ареале мифологические

представления о причинах болезней в виде вредоносных существ, попадающих в организм человека. Поверья эти сохранились до XIX-XX столетий в традиционных народных верованиях различных народов, в том числе и у русских. Вторая является собственно христианской и связана с морально-этическими постулатами, существенно важными в христианстве [Черепанова 2005: 96].

На Русском Севере, по данным О.А.Черепановой, мифология маленьких существ бесовского происхождения, выступающих как помощники колдуна, представлена весьма широко. Обращение к пермским материалам подтверждает это положение, показывая устойчивость данных мифологических представлений: в быличках постоянно подчеркивается мотив наличия в услужении у колдуна *бесов (чертей)*, которых он «садит» на людей, вызывая у них разного рода заболевания:

У колдуньи черти есть. Рукой в кружку махнёт – чертей может посадить. Чертей выкашивать нужно (Купчик Черд.).

Колдуны бисей имеют. Им каждому выдают по тринадцать штук. Колдун их хранит (Половодо Солик).

О.А.Черепанова пишет о том, что рассказы об этих существах составляют целый класс быличек. Эти существа нередко выступают в антропоморфном виде, но наиболее часто эти бесенята имеют зооморфный облик. Из животных тварей упоминаются кошка, маленькие собачки; из земноводных – ящерица, лягушка; из насекомых – мухи, жуки, жукики, медуницы [Черепанова 2005 160-161].

Материалы, записанные на территории Пермского края, дополняют этот образный ряд. Из зооморфной группы можно отметить следующие виды живых существ, не вошедших в список О.А. Черепановой (полужирным курсивом поданы формы слов, зафиксированные в текстах быличек):

• **животные** –

з а я ц (*зайчики*) – пример ниже;

м ы ш ь (*мышьи, мышки, мышата*): *А ещё ведь черти-то в виде мышей бывают. Всяки мышьи есь тоже. Вот парень один пошёл нам показывать, в голбец спустился, открыл, а мышьи-то побежали. Мать-то с поля прилетела, отлупила его* (Мысы Усол.).

У нас был один старик, у его биси жили в корчаге, в углу она стояла. Сосед у нас раз к ему пришёл за чем-то. И подошёл, поглядел через плечо. Видит: в корчаге что-то шевелится. Насчитал тринадцать мышшек, бесову дюжину (Половодо Солик);

к р ы с а (*крысы*): *В Шварёвой колдун был, у него черти-то крысами* (Мысы Усол.);

к о ш к а (*котята, котятки*): *А вот эта Катя, ихняя дочь, всех девчонок собрала и говорит: «Пойдёмте, девчонки, пойдёмте, у нас у тяти, он держит котятков маленьких». Раньше, знаете, из бересты делали большие туески. «В туеске у нас, – говорит, – тятя в туеске держит маленьких котят. Так они там пишишат. Ну пойдёмте, посмотримте»* (Вильва Солик.);

• **птицы** –

ц ы п л е н о к (*цыплята, цыплатки*): *Черти в голбец в виде цыплят, во хлеву. Хозяин их кормит* (Городище Солик.);

в о р о б е й (*воробушки*): *Черти кажутся где-ко в голбец есть, да как воробушки есть. Его куды-ко садят, этого воробушка. Слыхала, что их кормить надо* (М. Долды Черд.);

г у с ь (*гуси*) *Иногда в гусей, жаб черти кажутся* (М. Долды Черд.);

• **пресмыкающиеся** –

з м е я (*змеи*): *Колдун был в Городище. У него был туесок, в нём он держал то ли змей, то ли червей. Он, говорили, их сушил, делал из них муку и подсыпал людям – в питьё, в еду. И потом человека душисть начинало. Врачи даже помочь не могли, и только знающие бабушки (Пожва Юсьвин.);*

• **насекомые** –

м о ш к а (*мошки, казарки*): *Каки-то казарки, слыхала я, есть. Казарки – это вроде как мошки. Их много так, хоть руками сметай, хоть гребь в кучу. Враги же это, черти. А колдуны их распространяют* (Лекмартово Черд.);

о с а (*осы, козютки*): *Жена у него [колдуна] пошла в сарай, заходит, а там много ос ползает. Она приходит к мужу и спрашивает: «Что это у тебя там осы какие-то?» А он спрашивает: «А что, они тебя кусали?» Дак она потом от него ушла* (М.Долды Черд.);

У нас в деревне была старушка одна. Про её говорили, что она колдунья, что она знает, что у неё есть такие насекомые. У неё было две маленьких внучки. Сидим мы, значит, с подругой Катей на поляночке под черёмухой, играем с внучками. Играли, и вдруг, до сих пор это я так внятно помню, вдруг стала куча ос. А тут они, главно, никуда не летят, а вот так вот, как мураши, друг на дружку лезут. Ну, как мураши на муравьице. Старуха нам и говорит: «Девки, топчите их, топчите». Я Кате шёпотом говорю: «Это у неё козютки». У матерей-то слыхали, что она колдунья. (В. Кондас Усол.);

т а р а к а н (*тараканы, тараканьё*): *Вот когда-то раньше работников держали. Одна-то работница была у колдуна. Они в город поехали и*

сказали ей: «Пол мети, а в туесок, что в углу стоит, не заглядывай». Они ушли, а она, конечно, заглянула. Открыла туесок – а там полно **тараканья**. [Кто это был?] Да биси (Черд.);

бабочка (**бабочки**): Черти под вид **бабочек**. Всякий колдун их по-разному хранит. Маша рассказывала: у одного мужика в подвале много-много **бабочек**. (М. Долды Черд.);

паут (**пауты**): Который маму испортил, Илья Николаич, у него жена была. Он, когда стал умирать, никак не мог умереть. У него всё это колдовство нужно принять кому-то. Он никак, мучается, мучается, никак не может [умереть]. А вот это всё колдовство вышло на окна, раму всю облепили, вот как **пауты** большие летают летом (Вильва Солик.).

Данные пермских быличек свидетельствуют о следующем: бесы могут принимать и другой (не антропоморфный или зооморфный) облик – вид **предметов**, не имеющих высокой хозяйственной ценности:

булавка (**булавки**): Да всякими икотки кажутся: птичками, **булавками** всякими. Кто-ко где-ко увидит дак, всяким кажется (Пянтег Черд.);

стеклышко (**стеклышки**): А ещё у одного тракториста были в гостях две девочки маленькие. В голбце нашли они банку со стёклышками. Не знают же, что это биси (М. Долды Черд.);

рыбья чешуя: Был злостный колдун. У него дочь была Катя. У него туесок был. И вот Катя говорит подругам: «Пойдёмте, у нас у тяти в голбце маленькие котятки пишишат». Им-то родным-то они котятками маленькими казались. Отец с матерью в это время в лесу были. Достали они туесок, а в нём не котятка, а **рыбья чешуя**, пишишит и пишишит. Хотели достать её. Только подносят кверху, а она опять вниз падает, они её достать-то не могут. Вот какая нечистая сила, не могли не одну чешуенку достать (Вильва Солик.).

Иногда описание того или иного облика бесов бывает очень выразительным, например:

Две девочки пришли к одной женщине. Пришли, а она лук из одной корзины в другую пересыпает. Выбежали **тараканы**. Один забежал девчонке в бок, а другой – другой девчонке в живот. У первой девчонки на боку чирей выскочил, а **таракан** оттуда усам шевелит (Чердынь).

Отношение простых людей к бесам двоякое: с одной стороны, как причина болезней и психических расстройств (в частности кликушества) бесы вызывают живое неприятие и даже отвращение. Об этом говорит набор образов-воплощений данного персонажа (жуки, лягушки, мыши, черви, непонятные существа с множеством глаз и

лап и пр.); с другой стороны, они похожи на что-то (или кого-то) вроде домашних животных. Чертей, как маленьких детей или детенышей животных, колдуны носят с собой; держат в подполе (голбце), дворе или хлеву и кормят:

Носят колдуны бисей с собой. Их в сумку ли куда складут (Талица Черд.).

Колдуны-то, те **чертей кормят**. Я ещё маленькая была, с ребятами в окно подглядывала. Налепят они много пельменей, и отец их, Трофимов, первую тарелку покладёт и в голбец несёт. А зачем их туды нести, как не чертям? (Лимеж Черд.).

Теплое отношение к бесенятам в пермских быличках подчеркивается неоднократно. Оно создается с помощью образов детенышей животных, маленьких птичек или птенцов, вызывающих скорее умиление, чем брезгливость или отвращение, и набора слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами:

Черти кажутся где-ко в голбце есть, да как **воробушки** есть. Его куды-ко садят, этого воробушка. Слыхала, что их кормить надо (М. Долды Черд.).

Бесястые ки-ко люди были. Корову могут испортить. Другие бесястые лечат. В коробице, в пере их держали, бисей. У кого как **птички**, у кого-то **мышки** (Талово Черд.).

У него, у колдуна, в голбце черти сидят. Я один раз в голбец спустилася, там стоит большой туесок, старинный, берестяной. Мне чё-то стало интересно. Я поглядела, а там черти сидят, рты разевают, как **маленькие мышата**, красные рты (Поселье Усол.).

Это были черти. Как **зайцы**, **маленькие**, **пузатенькие**, с **ножками**, с **хвостиками**. (Половодово Солик.).

А она сама [колдунья] помирала когда, по огороду вот такие **малюсенькие-малюсенькие цыплятки** бегали, по всем бороздам бегали цыплятки. Их хватали, дочь хватала. Потом она их всех собрала, всех поймала. (Вильва Солик.).

Недаром **цыпленок**, теплый, трогательный облик которого знаком каждому, – один из частотных обликов, который принимают бесы.

Но наиболее распространенной личиной бесов в пермских материалах является муха. Л.Н.Виноградова, посвятившая анализу «вселяющихся» духов целый раздел своей монографии, отмечает: «“Вселяющиеся” духи – это незримые и бестелесные мифические существа, способные при определенных обстоятельствах принимать вид насекомого (чаще всего мухи (выделено нами. – И.Р.), – что не типично для форм оборотничества черта) или хтонического

животного...» [Виноградова 2000: 298]. Автор приводит в подтверждение устойчивости именно «мушиного» облика бесов данные славянской фразеологии, проанализированные в статье О.А.Терновской «Ведовство у славян. 2. “Бзык” (Мухи в голове)», в которой описывается множество фразеологических выражений, построенных по стереотипной модели: «у него мухи в голове». Главное их значение – ‘человек со странностями, с причудами, ненормальный, сумасшедший, дурак’. Наряду с этим в ряде диалектов отмечаются и демонологические интерпретации: с мухой в носу – ‘колдун’. По наблюдениям автора статьи, в составе этих вербальных стереотипов семантические колебания происходят в рамках оппозиции: дурак (идиот) – мудрец (знахарь, кудесник) [цит. по: Виноградова 2000: 297]. Фразеология подобного рода во всех славянских языках опирается преимущественно на энтомологическую лексику: помимо мух, упоминаются в сходных ситуациях мотыльки, муравьи, пауки, тараканы, хрущи, жуки, сверчки и т.п. Реже используется лексика зооморфного и орнитологического ряда («мышь в голове», «заяц в голове», «воробьи, сойки, совы – в голове») [Виноградова 2000: 296-298]. (К слову, в качестве русской параллели к приведенным выше данным можно назвать еще одно выражение – «у каждого свои тараканы в голове». Это выражение имеет значение ‘каждый человек имеет свои странности, причуды’. Как видим, его смысл соотносится с тем инвариантным значением, которое приводит в своей статье для фразеологизма «у него мухи в голове» О.А.Терновская).

Пермские данные подтверждают обозначенную Л.Н.Виноградовой общеславянскую тенденцию – «вселяющие» духи чаще всего имеют «мушиный» облик:

А вот если так колдун заденет, то посадит чертёнка. [А какие черти бывают?] Мухами есть черти-те. А если он посадит, ты же не знаешь, то ли муха, то ли кто (Н. Язьва Краснов.).

Была одна [колдунья], Анастасия Григорьевна. Над ней над покойной мухи летали, черти, целый рой (Губдор Краснов.).

Черти и порча как мухи большие. Живут они в дому. Она [колдунья] их в подвале держит и на ворот людям садит. Как заругаешься, она в тебя и залетит, эта муха (Тетерина Солик.).

У меня три порчи в жизни было. Первая в тринадцать лет. С грибами муха в рот попала. На меня одна колдунья порчу навела, маленькая я ещё была. Колдунья принесла грибы белые: «Ешь, ешь», – говорит и в рот мне суёт. Только вышла я – муха в рот попала. Отцу рассказала, а он

говорит: «Девка, порчу на тебя навели (Белкина Солик.).

Когда мама картошку копала, то залетела муха в рот. И всё, как голос не свой, собакой лаяла (Исаково Черд.).

Инвариантными признаками вселяющихся духов в диалектах Русского Севера, по данным О.А.Черепановой, являются: бесовская, нечистая природа; множественность, маленький размер, «служба» у колдуна, вредоносность по отношению к людям [Черепанова 2005: 160-161].

Мы можем посмотреть, как преломляются некоторые из этих признаков в пермском материале. *О бесовской, нечистой природе* «вселяющихся» духов мы уже говорили, показывая выше устойчивость мотива наличия чертей, бесов в услужении у колдунов, и приводили примеры.

Множественность как постоянный признак данного мифологического персонажа показана почти каждой пермской быличкой, повествующей о бесенятах. И в текстах используется целый набор лексических воплощений этого признака (наречия *полно, много, наголо*, прилагательные *плодистый*, глагол *плодиться, кипеть*, различные описательные конструкции):

Мне всё Алёна рассказывала: её подруга как-то ночевать звала. Так та: «Не, – говорит, – я не пойду к вам ночевать, у вас казарок полно» – «Дак я им не велю ползать». У них всё так: если мать чего знает, дак вся семья знает (Лекмартово Черд.).

Каки-то казарки, слыхала я, есть. Казарки – это вроде как мошки. Их много так, хоть руками сметай, хоть гребь в кучу. Враги же это, черти (Лекмартово Черд.).

Вот когда-то раньше работников держали. Одна-то работница была у колдуна. Они в город поехали и сказали ей: «Пол мети, а в туесок, что в углу стоит, не заглядывай». Они ушли, а она, конечно, заглянула. Открыла туесок – а там полно тараканья. [Кто это был?] Да биси (Черд.).

Жена у него [колдуна] пошла в сарай, заходит, а там много ос ползает (М. Долды Черд.).

Они [черти] шибко плодисты, шибко их много, говорят (Пянтег Черд.).

В следующем доме никого не было. Мы зашли, стояли, стояли, смотрели, смотрели: из-под печки вышли цыплята, жёлтые. Круглые, много их. Так много – не могли поймать. Потом взрослые говорили, что в этом доме колдуны живут, у них цыплята. Взрослым не показываются, а дети увидели (Чердынь).

Черти под вид бабочек. Всякий колдун их по-разному хранит. Маша рассказывала: у одного

мужика в подвале **много-много** бабочек (М. Долды Черд.).

Колдунья жила в Говорливом, дом у неё над рекой был. Мы к ней пришли. Она куда-то пошла и сказала: «Не лазьте в подвал». Но мы под печку заглянули, а там из бересты коробочка, а в ней куделька. И они там, чёртики, **прямо кипели** в ней. Они, говорят, тоже **плодятся** (Нечкино Краснов.).

Биси какие-то есь. Одна женщина рассказывала. Я чё-то слезла в голбец. Там, говорит, такое лукошко. Там подёрнула – там-де **наголо** жужжики. И она ушла от мужика-то, не стала с ним жить. Я, grit, бисей-де боюсь (Карпичево Черд.).

Который маму испортил, Илья Николаич, у него жена была. Он, когда стал умирать, никак не мог умереть. У него всё это колдовство нужно принять кому-то. Он никак, мучается, мучается, никак не может. А вот это всё колдовство вышло на окна, **раму всю облепили, всё облепили полностью-полностью, даже ничего не видно было, окно облепили эти мухи** (Вильва Солик.).

Иногда эта множественность приобретает конкретный характер и передается с помощью количественных числительных:

Дак вот, этих бисей выдают каждому колдуну по **тринадцать** штук. И колдун должен их хранить и кормить (Гайвинские хутора).

Нет никакого остехондроза. У тебя дьявольские черти, дьявольские черти, **двадцать девять** штук (Покча Черд.).

Колдуны бисей имеют. Им каждому выдают по **тринадцать** штук. Колдун их хранит. У нас был один старик, у его биси жили в корчаге, в углу она стояла. Сосед у нас раз к ему пришёл за чем-то. И подошёл, поглядел через плечо. Видит: в корчаге что-то шевелится. Насчитал **тринадцать** мышек, бесову дюжину (Половодово Солик.).

Как видно из примеров, чаще всего количество бесов, находящихся на службе у колдуна, равно «чертовой дюжине», то есть составляет 13 штук.

Маленький размер как признак данных персонажей устойчиво подчеркивается в текстах пермских быличек с помощью прилагательных **маленький, малюсенький, меньше**:

Колдунья жила в Говорливом, дом у неё над рекой был. Мы к ней пришли. Она куда-то пошла и сказала: «Не лазьте в подвал». Но мы под печку заглянули, а там из бересты коробочка, а в ней куделька. И они там, чёртики, **прямо кипели** в ней. Они, говорят, тоже **плодятся**. Они **ма-**

ленькие, в половину меньше мураша. И ноги у их всё кругом-кругом (Нечкино Краснов.).

А она сама [колдунья] помирала когда, по огороду вот такие **малюсенькие-малюсенькие** цыплятки бегали, по всем бороздам бегали цыплятки. Их хватали, дочь хватала. Поймала, и она тогда тоже померла. Они – отец, Наталья и вот этот Илья – колдуны, злые колдуны (Вильва Солик.).

Этот признак данного вида нечистой силы нашел отражение и в ее номинациях – субстантивированных прилагательных **мелкие, маленькие**:

Мушшину увели. Он знал этих, **мелких-де**. Живут богато, а чертей знал, grit (Петрецово Черд.).

Этта люди суковатые многи есь, вот с **мелкими-то, с бесами-то** (Дий Черд.).

Маленькие-то в голове уснули, а она и говорит тогда (Бахари Краснов.).

С маленьким размером вселяющихся духов можно связать еще одну их интересную номинацию. Колдуну, в соответствии с мотивом приобретения маленьких «бесенят» в услужение, необходимо в чем-то их держать. Былички постоянно описывают разного рода сосуды, вместилища для хранения этих существ. Это, как правило, посуда или другие емкости: **банка, коробочка, корчага, кадца, лукошко, русло, тусок**. В этом же ряду стоит слово **пестерь**. Пестерем в русских говорах называют сплетенную из бересты заплечную сумку. В пермских быличках встретилось слово **пестерь** для обозначения бесов:

Не мог он мне передать **пестерь** этот. Чертей-то **пестерём** называют у нас (Петрецово Черд.).

Как видим, в данном случае произошел процесс метонимического переноса названия (с предмета, в котором что-либо находится, хранится, на тот предмет, который находится, хранится). Думается, что этому процессу, как и в случае с номинациями, приведенными выше (**мелкие, маленькие**), в немалой степени способствует табуирование имени нечистой силы.

Вместе с тем, пермские былички демонстрируют не только очень маленький, но, напротив, необычно **большой размер** вселяющихся духов, с помощью прилагательных **большой, большущий**. Этот мотив обнаруживается в случае, когда бесы принимают облик насекомого. В тех контекстах, которые будут приведены ниже, насекомые выглядят значительно крупнее, чем обычные представители этого вида. То есть былички и в том, и в другом случае подчеркивают необычность облика, отклонение в величине в ту

или иною сторону от обычного, стандартного размера. Приведем примеры:

*У нас маме подавали в кружке чертёнка-то, в пиве. Она пиво-то пьёт, всё в норку тычет. Она тожно до доньшк-то допила – там **большой жук** (Камгорт Черд.).*

*Я тут у одних была, они нам родственники. Она с ребёнком лежала в больнице. У них корова была. Я иду с работы, парень говорит мне: «Тётя Нюра, зайди к нам, корову подои». Я зашла, корову подоила. Он говорит: «Пойдём к нам в избу, смотри, чего у нас в корчаге». Раньше ведь корчаги были. Открыл мне, и вот такие **мухи большуице**, всякие, всякие: светлые, блестящие, **большуиши** (Лызиб Солик).*

Для мифологических персонажей, принимающих антропоморфный облик, в частности лешего, тоже существует ряд черт, подчеркивающих его потустороннюю природу и отличающих его от обычного человека: левый лапоть надет на правую ногу, а правый на левую, на ногах у него загнутые когти ..., нет бровей и ресниц, правый глаз неподвижен и больше левого, у него нет правого уха, он не отбрасывает тени [Славянские древности 3 2004: 105]. То есть названная нами черта вполне согласуется с общими закономерностями формирования облика персонажей русской мифологии.

Пермские материалы показывают еще один устойчиво проявляющийся признак данных персонажей, не отмеченный О.А. Черепановой. Это их **цветовая характеристика**. Заключается она в следующем: какой бы облик ни принимали эти мифологические персонажи, они описываются рассказчиками, очевидцами как существа или предметы самых разных, чаще всего очень ярких, необычных, расцветок, окрасок, то есть таких, какие обычно не встречаются у настоящих животных, насекомых или предметов.

*А она сама [колдунья] помирала когда, по огороду вот такие малюсенькие-малюсенькие **цыплятки** бегали, по всем бороздам бегали цыплятки. Их хватали, дочь хватала. Потом она их всех собрала, всех поймала. Там **и красные, и жёлтые, и зелёные** – **всякие** бегали. Поймала, и она тогда тоже померла. Они – отец, Наталья и вот этот Илья – колдуны, злые колдуны. И у меня уже две сестры Зина и Дуся, они уже очевидцы (Вильва Солик.).*

*Вот у нас девка одна была, однажды она и говорит: «Пойдёмте, у меня у папы в туске, там **цыплята** сидят, они маленькие». Мы поднялись, открыли, они все из туски-то всякие: **сиреневые, жёлтые**. А отец-то в избе был, его из избы-то как метлой сшибило. Он идёт,*

матерится: «Я те дам!» А потом он дочери-то передал всё колдовство-то (Мысы Усол.).

*А ещё ведь черти-то в виде **мышей** бывают. Всяки мыши ешь тоже. Вот парень один пошёл нам показывать, в голбец спустился, открыл, а мыши-то побежали. Мать-то с поля прилетела, отлупила его. Они тоже **разноцветные** были (Мысы Усол.).*

*Биси-то величиной с маленькую **птичку с цветастым оперением** (Ныроб Черд.).*

*«Ох, у нас на русле-то всякие **птички: зелёные, синеньки, красненьки**», – она рассказывала. Черти это были (Губдор Краснов.).*

*Я детей колдунов спрашивала: «Что у вас дома есть?» – «Есть маленькие **птички всяких цветов: голубые, красненькие, зелёные**. В голбец в коробочке сидят». – «Пойдём посмотрим». – «Нет, мама ругаться будет» (Чердынь).*

*Ну, рядом жила с ней-то тётя Зина. Ну, она их [чертей] днём выпускала, разных **птичек цветных**. А потом их обратно запускала. В подвале там хранила (Кольчуг Черд.).*

*Да, черти **мухи всяких цветов** (Губдор Краснов.).*

*Там у нас Наташа-то видела нечаянно чертей-то у Николы. **Мухи! Зелёные какие-то, всякие** (Ратегово Черд.).*

*Вот она, эта женщина, соседка, пришла. Был шкаф у её [колдуньи] вот с посудой. И она говорит: «Я-де открыла этот шкаф, так ты знаешь, скока там **мух!** Жгуток такой пошёл, там всяки мухи, **всякого цвету!** Это черти-то мухи (Ратегово Черд.).*

*Тут одна женщина умерла, у неё, видно, сноха тусок взяла в руки, открыла, а там **жуков разноцветных** – не сосчитать! Тьма! [А что это за жуки?] Да черти-то и были (Пянтег Черд.).*

*А ещё у одного тракториста были в гостях две девочки маленькие. В голбец нашли они банку со стёклышками, а **стёклышки такие красивые, разноцветные**. Они стали просто перебирать. Не знают же, что это биси. Так тракторист в Пянтеге был, а прибежал домой быстро-быстро. Почувствовал, что его трогают (М. Долды Черд.).*

Данные, представленные в настоящей статье, позволили увидеть разнообразие облика и номинаций пермского варианта «вселяющихся» духов, региональную специфику реализации их общерусских инвариантных признаков.

¹Исследование выполнено при поддержке грантов АВИЦП РНП «Русская речь Пермского края: история и современность» №2.1.3/483; «Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья» №2.1.3./2175; РГНФ № 09-04-82402 а/У.

Условные сокращения районов Пермского края

Краснов. – Красновишерский
Солик. – Соликамский
Усол. – Усольский
Черд. – Чердынский
Юсьвин. – Юсьвинский

Список литературы

Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. 432 с.

Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ»: ОАО «Люкс», 2005. 366 с.

Новичкова Т.А. Русский демонологический словарь. М.: Петербургский писатель, 1995. 640с.
Славянские древности. Т. 1-4. М.: Международные отношения. 1995-2009.

Толстой Н.И. Каков облик дьявольский // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Изд-е 2-е, испр. М.: Изд-во «Индрик», 1995. С. 250-269.

Черепанова О.А. Мифологическая лексика Русского севера. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983.

Черепанова О.А. Мифологические функции птиц в русских быличках и других материалах // Культурная память в древнем и новом слове: Исследования и очерки. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. С. 156-168.

ON THE IMAGE OF DEMONS
(on the material of mythological stories of the Perm region)

Irina I. Rusinova

Associate Professor of General and Slavonic Linguistics Department
Perm State University

The article deals with the images and names of demons, able to get into a person, represented in the texts of mythological stories of the Perm region. The most frequent their names are 'deuce' and 'demon'. They can act as a person, beast or household tool of no-great-importance. Invariant devil attributes are widely represented in Perm materials. The article emphasizes the attributes rare for literature but specific for Perm stories.

Ключевые слова: folk demonology; demon getting into a person; beastlike demon; demonological lexis of the Perm region.